

НАШИ
УНИВЕРСИТЕТЫ

Есть в Перми маленькая фабрика по производству красок, олифы и т.д. Трудовой коллектив 19 человек, из них 14 – до 25 лет. Практически вся молодежь разнорабочие или обслуживает аппараты – «аппаратчики».

Производство очень вредное, платят мало. Да еще при начислении заработка стремятся обдурить. Иногда «забывают» выдать часть зарплаты или «ошибаются» в расчетах. «Почему-то» всегда в сторону уменьшения зарплаты. Хотя бы раз «ошиблись» в сторону увеличения!

При этом оборудование часто неисправное. К примеру, текут стыки между трубами. Нужно менять прокладки, но их не меняют. А собирать разлившуюся краску обязаны рабочие. У них из зарплаты и вычитают ее стоимость. Такое издевательство на каждом шагу! Даже обедать порой приходится прямо в цеху – в прикуску с парами растворителя и краски.

А однажды на 3 недели задержали зарплату. Ребята договорились, написали заявления, что пока не дадут денег, работать не будут. И пошли в столовую играть в карты. Так к обеду деньги нашлись!

Интересно слушать высказывания рабочих на политические темы. Все ругают богатых и капитализм, всяких начальников, законы и тех, кто их охраняет. Кто-то уважает СССР. А кто-то, отсидев на «малолетке», недолюбливает прошлое. Слова «коммунист», «красный» у них ассоциируются с начальством, гнетом. Но все дружно ненавидят современное общество и свое место в этом обществе.

Разговор начинается с того, что подорожали продукты и много нужно платить за детсад. Затем он плавно переходит к тому, что надо менять устройство общества. Многие одобряют идею повторить Октябрь 1917-го. А вот когда пожилой рабочий предложил восстановить сталинские порядки, его послали подальше.

Такие разговоры никто специально не подстегивает. Подстегивает их сама жизнь, пробуждая в молодых рабочих атрофированные инстинкты их класса.

Аппаратчик фабрики

ОТ РЕДАКЦИИ

Здесь все прямо по Марксу! Возможно, ребята его не читали, но, действительно, «сама жизнь» их научила тому, что «быть производителем рабочим — вовсе не счастье, а проклятие» («Капитал», т.1, стр. 512 – М. 1955).

Стихийно они подошли и к другому выводу Маркса: «Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание». (Из учредительного манифеста Интернационала). Ведь именно коллективные действия позволили им выбить у начальства задержанную зарплату. А это и есть зачаток классовой организации. Правда, этот зачаток в саму организацию не развился. Более того, он распался сразу после исчезновения общей проблемы. С другой стороны, такая общая проблема, как наемный труд, будет вновь и вновь подталкивать ребят к коллективным действиям. То, что сами они будут менять место работы, будет меняться коллектив фабрики, это процесс не останавит.

Со временем общие действия, для большей эффективности, потребуют упорядочения — приведут к созданию общей классовой организации. Системе капитала будет противостоять система труда. Когда последняя вполне сформируется и разовьется, речь пойдет уже не об улучшении условий наемного труда, а о его историческом преодолении...

АЗИАТЧИНА
ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Мы всегда сознательно игнорировали тему выборов. Во-первых, парламентская сцена не представляет интереса для самоорганизации пролетариата. А тем более, для решения им, в перспективе, коммунистических задач. Во-вторых, чтобы интерес к парламентаризму был хотя бы частично оправдан, должны появиться классово-пролетарские организации, способные всерьез повлиять на исход выборов. Когда же от имени пролетариата выступают те или иные непролетарские объединения, это неизменно оказывается разновидностями карьеризма, политического мошенничества и т.п...

Но у выборов есть другой аспект. Как бы власть ни подтасовывала итоги голосования, они остаются зеркалом настроений разных классов.

В этом плане показательны недавние парламентские и президентские выборы в России. Перед нами две абсолютные победы чиновничества и крупного капитала, представленных «Единой Россией». Даже яркий недоброжелатель этой партии не скажет, что ее политические успехи выглядели малоубедительными...

Часто эти успехи объясняют монополией власти и ее политического авангарда на ведущие СМИ и бесовестным использованием «административного ресурса». Действительно, сейчас вспоминается времена Советского Союза, когда почти 100% избирателей неизменно голосовали за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Организацией избирательной кампании правящей партии, как и раньше, руководят власти всех уровней. Показная верность партии власти вновь стала условием получения или сохранения руководящей должности. И наоборот, сторонникам оппозиционных сил на работе лучше помалкивать о своих предпочтениях.

Советские времена напоминает и растущий культ российского милитаризма. Проведение крупных учений, поступление в армию новых орудий убийства, повышение достатка профессиональных военных выставляется несомненными успехами нынешней власти.

Все это дополняется системной работой по пропаганде державно-государственных взглядов, воспитанию молодежи в «духе патриотизма» и т.п. Технологии такой работы не забыты с советских времен, еще живы и многие мастера этого дела.

А чего стоят намерения церковных мракобесов возродить монархию и сословия, опустить над страной новый «железный занавес» православно-державного пошиба! Наиболее завершённый вид эти попытки приняли в усиленно рекламируемой иерархией РПЦ «Русской доктрине».

Словом, Россия политически возвращается к традиционному для нее состоянию «азиатского деспотизма» с его господством чиновника и молчаливой пассивностью «низов». Еще Фридрих Энгельс в работе «О социальном вопросе в России» писал о «восточном деспотизме» существующем «от Индии до России!» Экономическим базисом такого деспотизма была крестьянская община, политической надстройкой – самодержавие. Классик даже отмечает его как особую форму абсолютизма – «царский деспотизм».

Действительно, огромное влияние государства на российский общественный мир началось не с нынешней власти и даже не с периода СССР. Еще в царской России государство не только жестко курировало политику, общественную и культурную жизнь, но и было ведущим игроком на экономическом поле. Показательно, что в дискуссиях революционеров начала XX века неразвитость российской буржуазии считалась доказанным фактом. Ей просто было мало места рядом с монстром имперского государства. Именно поэтому буржуазно-революционные перемены считались делом союза рабочих и крестьян.

С «восточным деспотизмом» полностью не покончил и временный приход к власти этого двуклассового союза в форме Советов в 1917 году. Именно традиции азиатчины, во многом, обеспечила успех последующих коллективиза-

ции и индустриализации. В первом случае дело спасли остатки общинности российского крестьянства. Во втором – прочные традиции экономической монополии государства. Все это венчала надстройка сталинского деспотизма. Разрушив азиатчину Российской империи, общество вскоре политически возродило ее в империи Советской...

Вот и ныне, не успела остыть память об СССР, как старые политические порядки замаячили вновь. Причем, как показала недавняя череда выборов, большая часть общества пока не видит в этом ничего плохого.

Это окажется вполне логичным, если вспомнить о ленинской концепции завершения буржуазно-демократической революции в «широком» и «узком» смыслах. В 1910 году, в работе «Заметки публициста» Владимир Ильич пояснил: «Вообще говоря, под этим термином можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т.е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение всего цикла буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершилась лишь 1871 годом (а начала в 1789г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных рево-

люций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848 года в Германии была завершена в 1850 году или в 50-х годах, поскольку не устранил этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, поскольку не устранил этим почвы для революции 1830 и 1848 годов».

Таким образом, буржуазная революция «в широком смысле» во Франции заняла почти 100 лет – 1789-1870г.

Перенеся это на российскую почву, получим буржуазные революции «в узком смысле»: 1905, 1917, 1991-93 годы. А буржуазную революцию «в широком смысле» – 1905-1993 годы. Вновь почти 100 лет!

При этом известно, что после каждой революции наступает опеределенная реакция. Во время Великой французской революции она началась с «термидора» – месяца, в котором диктатура якобинцев была свергнута более умеренными революционерами. Потом наступила очередь «брюмера» – захвата власти Наполеоном.

У Великого Октября «термидор» и «брюмер» это – сначала вытеснение ленинцами из руководства РКП(б) левых коммунистов (уже тогда прозревших госкапиталист-

тическую суть нового строя), а затем ликвидация в ВКП(б) самих ленинцев сталинцами. При этом курс на индустриальную модернизацию крестьянской, в основном, страны остался неизменным.

В современной России после буржуазно-революционных событий начала 1990-х годов мы наблюдаем тот же процесс. Разгул «ельцинской» демократии уступил место чиновничьему «порядку». А уже оправившиеся от перемен чиновники, позаботившись о возрождении естественных для них и традиционных для России элементов «восточной деспотии». Свергать для этого ничего не пришлось, послереволюционная реакция наступила вполне мирно.

Этап развития, который переживает страна, не предоставляет пока такому ходу событий реальной альтернативы. Назревшие буржуазные перемены отшумели в 90-е годы прошлого века. А ничего постбуржуазного в обществе еще не вышло. Тем более, что вырваться оно будет уже в глобальном масштабе. Политическим отражением такой ситуации и стали парламентские успехи партии власти. Стоит ли после всего этого удивляться, что россияне, не моргнув, «проглотили» ужесточение политического режима?.. * * *

Оценивая ситуацию в России, мы говорили о ее политическом строе. Экономика оставалась за скобками. Между тем, именно в экономике – главное «противоядие» от рецидивов азиатчины. Точнее, в ее глобальном характере. Россия прочно вошла в мировой рынок нефти, газа, других видов сырья и не только сырья. Вошла она и в мировой рынок рабочей силы, сама стала гигантским рынком для зарубежных товаров. В стране пустили корни многие транснациональные корпорации. Словом, Россия включилась в мировое разделение труда и глобальную кон-

ВЫСШАЯ ИСТИНА

Пережив массу трагедий, Россия в целом перестроила экономику по требованиям международного разделения труда. Часть отраслей погибла, на их месте возникли новые. Тем более, что тому и другому содействовал иностранный капитал. Рост новых отраслей, особенно с его участием, обеспечил подъем профсоюзного движения пролетариев. Работники почуствовали, что на их руки появился спрос и потому можно поторговаться. Впервые за долгие годы начались наступательные забастовки.

Как левым относиться к растущему движению? Ведь оно заботится лишь об улучшении условий наемного труда. Вопрос о его ликвидации сейчас даже не ставится...

Мы не первые, кто решает такую задачу. В ноябре 1886 года, обращаясь к немецкому социалисту Фридриху Зорге, Энгельс писал о рабочем движении в Америке: «Первым важнейшим шагом всякой вновь вступающей в движение страны должна быть организация рабочих в самостоятельную политическую партию, все равно, каким бы путем это ни было достигнуто, лишь бы она была действительно рабочей партией. И этот шаг сделан гораздо быстрее, чем мы могли этого ожидать, а это главное. То, что первая программа этой партии еще путанная и крайне неудовлетворительная, что она начертала на своем знамени имя Г.Джорджа (сторонник национализации земли, в 1886 году баллотировался в муниципалитет Нью-Йорка и собрал много голосов рабочих – ред. ЛП), – все это неизбежное зло, но зло преходящее. Массам надо предоставить время и возможность развиваться, а эта возможность будет у них лишь тогда, когда у них будет собственное движение – безразлично, в какой форме, лишь бы это было их собственное движение, в котором они будут идти вперед, участь на собственных ошибках, на собственном горьком опыте».

В пользу такого подхода говорят и широкие идейные рамки Первого Интернационала. Классики марксизма считали, что в организации могут присутствовать все социалистические школы, за которыми идут пролетарии. Главное – чтобы пролетарии объединились, лучшую платформу объединения определит реальная классовая борьба.

Словом, прежде чем решать, каким должно быть классовое движение наемных производителей прибыли, нужно чтобы оно вообще существовало. Сегодня мы на той ступени, когда как всероссийская величина оно еще отсутствует. Поэтому важно поддерживать даже такие робкие инициативы пролетариев, как коллективные обращения в суд или жалобы. Не говоря уже о забастовках с самыми «приземленными» требованиями. Главное, чтобы пролетарии их готовили «своего собственной рукой». Но важно и развязывать ограниченность таких мер, как и ограниченность самой борьбы за лучшую форму наемного труда. А чтобы эти развязывания были услышаны, сначала нужно в реальном деле добиться уважения пролетариев.

Редакция ЛП